

Трансформация сюжета о превращении в морских бобров в фольклоре командорских алеутов¹

Наталья Александровна Татаренкова,

начальник отдела сохранения историко-культурного наследия Государственного природного биосферного заповедника «Командорский» им. С.В. Маракова, с. Никольское.
E-mail: nata_bering_island@mail.ru

В работе анализируется алеутский фольклор о превращении людей в морских бобров (каланов): вероятные исходные версии сюжетов, трансформация их структурных элементов за минувшие 200 лет и причины, вызвавшие эти изменения. Многие фольклорные сюжеты, зафиксированные на Алеутских и Командорских островах, со временем были утрачены. Другие сохранили ключевую фабулу, но претерпели структурные изменения. В нашем случае неизменными оставались только ведущий мотив и финал: девушка или женщина и один или несколько мужчин бросались в море и превращались в каланов. Некоторые исследователи расценивали такую трансформацию как легенду о происхождении бобров. Но этот вывод не очевиден. Собрано пять основных версий сюжета: безымянная легенда в изложении протоиерея Иоанна Вениаминова (1840 г., в этом же году он был пострижен в монашество с именем Иннокентий), «Aatluung» в переводе В. Иохельсона (1990 г., алеутский текст записан в 1909 г.), «Легенда о бессмертной любви» в художественной обработке Э. Зубковой (1966 г.), «Оголгузах — водные люди» в пересказе Н.Н. Беклемишева (1884 г.) и навеянная алеутскими мотивами современная сказка Р.В. Рудина «Неразлучные Онга и Слах» (2017 г.). Особняком стоит несформировавшееся либо утраченное представление о седом бобре-тойоне. По мнению автора, изложенная И. Вениаминовым версия с инцестуальным мотивом слабо сочетается с традиционным алеутским восприятием окружающей действительности, поскольку в алеутском фольклоре превращение в животных обычно не расценивалось как наказание. В рассматриваемых текстах тема инцеста звучит иначе,

¹ Автор выражает благодарность Вере Терентьевне Тимошенко и остальным алеутам Командорских островов.

чем в эскимосских или тлинкитских легендах. В варианте В. Иохельсона она больше напоминает гиперболу, а в пересказе Н.Н. Беклемишева вовсе отсутствует. Во всех случаях выбор калана как объекта перерождения был не случаен — социальное поведение этого животного по многим показателям напоминает человеческое. В XX в. началось угасание психоэмоциональной связи «человек — калан». На Командорах «красной линией» стало время введения полного запрета на промысел этих животных. Разрыв отношений «охотник — добыча» вызвал ряд негативных последствий, индикатором которых стали депрессия и отказ от создания новых сюжетных линий.

Ключевые слова: фольклор, мотив, сюжетная линия, трансформация, алеуты, каланы, Командорские острова.

Transformation of the Plot about Sea Otters in Folklore of Commander Aleuts.

Natalia Tatarenkova, State Natural Biosphere Reserve «Komandorsky» named after S.V. Marakov, Nikolskoye, Russia. E-mail: nata_bering_island@mail.ru.

The paper analyses the Aleutian folklore about the transformation of people into sea otters: its probable initial plot versions, transformation of structural their elements for the last 200 years and the reasons. Many folklore plots recorded on the Aleutian and Commander Islands were eventually lost. Others kept up the main plot but underwent structural changes. In our case, only the main motif and the final remained invariable: a girl or a woman and a man or several men jumped to the sea and turned into sea otters. Some researchers regarded such transformation as a legend about the origin of sea otters. But this conclusion is not obvious. Five main versions of the plot were collected: an unnamed legend by I. Veniaminov (1840), a translation by W. Jochelson of the Aleutian text “Aatluung” (was recorded in 1909), a literary adaptation of “The Legend about Immortal Love” by E. Zubkova (1966), “Ogolguzah — water people” in retelling by N. Beklemishev (1884) and a modern tale with Aleutian motifs “The Inseparable Onga and Slah” by R.V. Rudin (2017). The vague legend about a gray-haired leader of sea otters is kept separately. In the author’s opinion, I. Veniaminov’s version with the incestuous theme does not fit well with Aleut perception of the reality because the transformation into animals was not considered as punishment in the Aleut folklore. In the analyzed texts the topic of incest looks differently than in Eskimo or Tlingit legends. In W. Jochelson’s variant it is more like a hyperbole. In N. Beklemishev’s retelling it is completely absent. In all cases, the choice of a sea otter as an object of reincarnation was not random — the social behavior of this animal resembles the human one in many aspects. In the twentieth century, the psychoemotional connection between a man and a sea otter began to fade. The “red line” on Commanders lay in 1924 — the year of prohibition on hunting for these animals. The rupture of relations “hunter — prey” led to a number of negative consequences such as depression and refusal to create new storylines.

Keywords: folklore, motive, story line, transformation, Aleuts, sea otters, Commander Islands.

ВСТУПЛЕНИЕ

Одна из основных проблем, с которой сталкиваются историки и этнографы, — скудность и сильная искажённость первичной информации. Именно на таком зыбком фундаменте исследователям приходится выстраивать свои дальнейшие логические заключения. Наглядной иллюстрацией сказанного являются фольклорные мотивы алеутов — народа осторожного, закрытого и насмешливо-ироничного. В настоящей статье рассматривается сюжет о превращении людей в бобров: сохранившиеся ранние версии, трансформация структурных элементов за последние 200 лет, а также факторы, повлиявшие на эти изменения.

Искажённость первичного материала вызвана следующими причинами: сложностью перевода, в процессе которого утрачиваются смысловые оттенки и игра слов (в алеутских текстах специфически выстроенные фразы важны не меньше, чем общий контекст); субъективной оценкой приезжего специалиста, воспринимающего действительность иначе, чем рассказчик; стремлением исследователя изложить тексты в той форме, которая будет понятна европейскому читателю, в частности структурировать их и сделать литературную обработку. В. Иохельсон и К. Бергсланд в какой-то мере нашли решение данной проблемы, записывая оригинальную алеутскую речь и сопровождая её пофразовым переводом. Но в таком виде сохранилась лишь часть фольклорного материала.

Многие фольклорные тексты, бытовавшие на Алеутских и Командорских островах, со временем были утрачены. Другие сохранили ведущий мотив, но претерпели изменения структурных элементов. В анализируемом материале неизменной оставалась только концовка: девушка или женщина и один или несколько мужчин бросались в море и превращались в морских бобров. Остальные элементы вариативны: антураж, сюжетная линия, общая смысловая нагрузка и даже форма изложения.

На сегодняшний день удалось собрать пять рассказов о превращении людей в каланов: 1) легенду в изложении протоиерея Иоанна Вениаминова (1840 г., в этом же году он был пострижен в монашество с именем Иннокентий), сюда же относятся более поздние пересказы, в том числе пересказ помощника начальника командорских промыслов Б. Редько (с 1923 по 1925 г.); 2) близкую по сюжету ироничную сказку «Aatluung» в переводе В. Иохельсона; 3) «Легенду о бессмертной любви» в художественной обработке Э. Зубковой и близкие вариации на тему «командорских Ромео и Джульетты»; 4) «Оголгузах» в пересказе Н.Н. Беклемишева; 5) сказку Р.В. Рудина «Неразлучные Онга и Слах». Вероятно, существовало также предание о седом бобре-тойоне, которое было утрачено. Мотив превращения в животных иногда расценивается как история происхождения вида — на это, в частности, указывает в своей интерпретации И. Вениаминов; в самих текстах, однако, данная идея отсутствует. Каждая версия отражает особенности своего времени, а в совокупности они позволяют с высокой степенью точности воссоздать первичную смысловую нагрузку и отделить алеутские мотивы от привнесённых европейских.

ФАКТОРЫ, ПОВЛИЯВШИЕ НА СОХРАНЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЮ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СЮЖЕТА

О легендах и поверьях, бытовавших на Алеутских островах до освоения их русскими, известно крайне мало. Даже в более поздние годы, в том числе после заселения Командорских островов, алеуты предпочитали не раскрывать перед приезжими душу, опасаясь насмешливого, пренебрежительного или легкомысленного отношения к своим словам. В вопросах традиционной культуры они всегда были крайне щепетильны: по мнению представителей старшего поколения командорцев (до 1940 г.р.), пусть лучше тексты будут утрачены вовсе, чем искажены на любом из этапов передачи. При настойчивых расспросах информанты тактично уходили от нежелательной беседы, ссылаясь на полное незнание темы, плохую память и сложности перевода, в то время как истинной причиной была негласная установка на защиту внутренней информации. Если слушатель казался чрезмерно назойливым, его могли разыграть, выдав за народный фольклор сочинённую на ходу небылицу. Приблизительно в середине прошлого века произошёл разрыв в последовательности передачи этнической информации: представители старшего поколения намеренно унесли с собой алеутские поверья и родной язык, тем самым обеспечив детям возможность успешно адаптироваться к стремительно меняющимся внешним условиям — шагнуть в новый мир без старых «пережитков». Рождённые в 1940-х гг., а также представители последующих поколений уже не столь категоричны, однако их тексты имеют свою специфику. Сегодня в рамках обычного интервью можно услышать заученный отшлифованный рассказ — плод реальных воспоминаний и современной обработки, ориентированной на универсальную аудиторию.

Существенное влияние на мировоззрение островитян оказало христианство. Алеуты почти сразу приняли концепцию Бога-отца, но не стали православными в европейском понимании. Целью о. Иоанна Вениаминова, окормлявшего Лисьевский отдел РАК, было утверждение новых духовных ориентиров и изобличение бесовских начал, к которым относилась в том числе вера во всевозможные перерождения. По этой причине трактовка легенды о превращении в каланов, предложенная им, вполне соответствовала задачам церкви.

На Командорах немаловажную роль в сохранении и передаче фольклорных произведений сыграли печатные источники. К концу XIX в. большинство российских алеутов были грамотными. Неплохие публичные библиотеки, включавшие труды И. Вениаминова, сформировались на островах приблизительно к середине 1880-х гг. В 1909 г. библиотечный фонд о. Беринга составлял 229 томов, а о. Медного — 1002 тома [13, с. 112]. Немного ранее, в самом начале XX в., «Записки об островах Уналашкинского отдела» И. Вениаминова исчезли из командорского собрания, а подбор книг стал носить случайный характер (часть изданий могла быть собственностью

управляющего Н.А. Гребницкого). Чтобы восполнить пробел, промысловый надзиратель о. Медного В.П. Сторчак собрал для Хабаровского музея небольшую этнографическую коллекцию, а музей в ответ сделал подборку выдержек из двух томов «Записок...». Машинописные тексты были доставлены на Командоры в 1926 г. [ХКМ, документы описей].

Неоднократное появление на островах «Записок...» 1840 г. сильно смазало картину. После этого утверждать, что изложенная о. Иоанном легенда сохранялась исключительно в форме устного творчества, стало невозможным. Поскольку другие, не менее яркие и увлекательные, истории ушли вместе со своими сказителями, создаётся впечатление, что инцестуальный мотив был почерпнут вторично из печатного источника, причём неоднократно. Это не противоречит историческим фактам: помначкомпрому Б. Редько текст могли пересказать алеуты, читавшие труды Вениаминова, когда Н.А. Гребницкий был управляющим Командорскими островами; а этнограф Р.Г. Ляпунова застала тех, кто был знаком с более поздней машинописной копией. При этом ни Б. Редько, ни Р.Г. Ляпунова не упоминают о тексте, записанном или озвученном на алеутском языке.

Важным фактором, повлиявшим на всю командорскую фольклористику, стал произошедший около 1970 г. разрыв между носителями алеутского фольклора и сотрудниками районного отдела культуры. К тому времени форма традиционного устного рассказа начала угасать вместе с вымиранием языка и окрепло новое направление, ориентированное на создание аттрактивных сценических образов. До середины XX в. алеутские инсценировки были неотъемлемой частью всех праздников, но с увеличением потока переселенцев фольклорный элемент из ведущего стал переходить в разряд частных неформальных. В 1966 г. при сельском клубе функционировал кружок под руководством алеутов-фольклористов А.И. Бадаева (1906 г.р.) и М.А. Бадаевой (урожд. Григорьевой, 1912 г.р.), приходившихся друг другу дальними непрямыми родственниками. Они успешно сочетали традиционное со сценическим, но требования к концертным номерам росли. В 1969 г. старшим методистом, а затем директором дома культуры стал самодеятельный композитор И.Т. Симаков. Созданный им ансамбль «Командорские шутники» был очень популярен. И.Т. Симаков использовал элементы алеутской атрибутики, но глубокого интереса к культуре этого народа никогда не проявлял. В результате почти все наработки кружка, в том числе песни и сказки, записанные на алеутском языке, были утрачены.

К моменту приезда в 1982 г. хореографа В.Н. Нилова и создания национального ансамбля «Унанган» большинство носителей языка достигли преклонного возраста. Сам В.Н. Нилов занимался реконструкцией сценических постановок, сотрудник Кунсткамеры Р.Г. Ляпунова помогала с дизайном костюмов, а директор Алеутского культурного центра И.П. Вьюев воссоздал ряд предметов материальной культуры (рис. 1—3). Однако попытки реанимировать культуру «извне» привели только к реконструкции внешней атрибутики.

Рис. 1. Антропоморфный калан. Работа И.П. Вьюева, Алеутский культурный центр, 1991 г. Выполнен по мотивам алеутских поплавок

Рис. 2. Зооморфный калан. Работа И.П. Вьюева, Алеутский культурный центр, 1990 г. Похожие деревянные полавки украшали бобровые сети о. Медного

Рис. 3. Антропоморфный калан. Работа И.П. Вьюева, 1992 г. Собрание Алеутского краеведческого музея (АКМ ГИ 305-6)

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ «ЧЕЛОВЕК — КАЛАН»

Наиболее популярной фольклорной темой у российских алеутов остаётся повествование о превращении в морских бобров. Животных также называют каланами (слово корякского происхождения), по-алеутски — *чн'атух'*.

В культуре алеутов калан всегда находился на особом положении. Во-первых, это был самый ценный пушной зверь: во времена Российско-американской компании (РАК) добротная шкура взрослого животного стоила в 10 раз дороже шкуры голубого песца и в 50 раз дороже шкуры морского котика. Именно промысловый интерес стал причиной заселения Командорских островов. К началу 1820-х гг. в Лисьевском отделе РАК и его окрестностях интенсивный промысел бобров привёл к сокращению их численности и миграции животных в более труднодоступные участки. Крупные генеративные группировки, образывавшие береговые залёжки, сохранялись в Атихинском отделе [3, с. 341, 345], в частности, на Командорах. В 1805—1813 гг. на островах промышляла бригада Ф. Шипицына. Длительное пребывание артели привело к повышению уровня тревожности животных, и они стали реже выходить на берег, что сделало невозможным проведение береговых отгонов. Поскольку алеуты являлись непревзойдёнными мастерами промысла на воде, Ф. Шипицын предложил переселить на о. Медный несколько семей с о. Атту [16, с. 182], что и было сделано не позднее 1825 г.

Зажиточность медновчан напрямую зависела от обилия зверя: на о. Беринга каланов всегда было меньше, а в 1840—1870-х гг. не наблюдалось

даже единичных заходов. В середине XIX в. животных было мало и на о. Медном, и лишь после привалов 1873, 1879 и 1893 гг. [6, с. 248] численность стала восстанавливаться, а доходы островитян резко возросли.

Вторая причина трепетного восприятия каланов крылась в специфике отношений «охотник — добыча». Традиционный промысел представлял поединок, в котором зверь знал повадки охотника не хуже, чем тот — повадки зверя. Загарпунивание с воды служило символом охотничьего мастерства алеутов. Снаряжая байдарку в путь, алеут стремился «понравиться» бобру, наладить с ним ментальную связь. Амулеты, детали промысловых орудий и одежды были призваны очаровывать каланов, как жених очаровывает невесту (рис. 1—3).

Однако главная причина почитания каланов заключалась в сложном социальном поведении этих животных, их особых «душевных качествах» и многочисленных параллелях с поведением человека.

Мичман Н.Н. Беклемишев (1857 г.р.), посещавший Командоры летом 1881 г., отмечал, что алеуты «любят приравнять себя к бобрам, особенно в отношении половой жизни» [2, с. 13]. Как и калан, алеут на берегу «вял, ленив, неуклюж» [9, с. 23], но совершенно преображается на воде и во время промысла. Как и у людей, у каланов ярко выражены индивидуальные качества. Некоторые из них во время летнего сна на суше лежат на спине, другие — на боку, подкладывая лапы под щеку. Отмечены случаи, когда отдельные животные под определённые звуковые мотивы (преимущественно джазовые) кувыркаются в воде до тех пор, пока не смолкнут звуки [1, с. 68—69]. Каланы умеют использовать примитивные орудия: поднимать со дна камень или кусок кремниевой водоросли, класть себе на брюшко и разбивать об него двустворчатых моллюсков (отмечено для калифорнийской популяции). Иногда матки дают погрызть кремниевую «пустышку» своим малышам-медведкам. Как и человек, бобры размножаются в течение всего года и приносят по одному, реже по два детёныша [9, с. 8]. Срок вынашивания плода также сопоставим с человеческим. Брачные игры сопровождаются поглаживаниями лапками, «коккетством» самок и галантными ухаживаниями «кавалеров». Не менее трогательны и материнские качества: самка лежит на спине, держа детёныша между передними лапами, вычёсывает, плещет на него водой и порой шлёпает не в меру расшалившееся чадо. Изредка около самки с новорождённым можно видеть плавающего годовалого котёнка: по одному из предположений, это «усыновлённые» щенки, потерявшие матерей. У бобров очень развит инстинкт взаимопомощи: медновчане утверждали, что *«смерть детёныша вызывает слёзы на глазах матери и звуки подобные рыданию <...> Если вблизи убитаго ружьём бобра на воде был другой, то в большинстве случаев этот второй утягивает убитаго вниз и исчезает с ним; вынурнув, где нибуть далеко, держит ещё товарища в зубах»* [9, с. 4]. Выражение «слёзы на глазах» следует списать на неточность перевода, остальные поведенческие особенности неоднократно отмечали и другие исследователи. Не менее впечатляет и крик каланёнка: он невероятно похож на охрипший плач младенца. На фоне вышесказанного причина многочисленных антропоморфизмов становится очевидной.

Есть ещё один немаловажный момент: алеуты не употребляли в пищу мясо добытого бобра, но иногда угощали им европейцев [9, с. 9]. На Командорах этот запрет не афишировали, и, если задавался вопрос о причине такого отказа, охотники уходили от прямого ответа, ссылаясь на то, что есть и более вкусная пища. Зимой 1984—1985 гг. один из членов промысловой бригады объяснил, что так «старика не велели» [ПМА. И.А. Липилина, 17.09.2018].

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СЮЖЕТА О ПРЕВРАЩЕНИИ В БОБРОВ

Самым известным и ранним по времени опубликования (1840 г.) является вариант легенды в пересказе священника И. Вениаминова [3, с. 293—297]. События разворачиваются на северо-западном побережье южной оконечности о. Уналашки, напротив селения Икальга (*Ikalġan, Igagax'*) б. Черновской [17, р. 606—607]. В зажиточной алеутской семье подросли сын и дочь. Когда дочь достигла половой зрелости и настали её первые «очистительные дни», её, по обычаю, удалили в отдельную юрту. Согласно традиции, связанной с древним поверьем, девушка должна была провести в затворничестве 40 дней, чтобы впоследствии не стать разносчиком заразной болезни и не сделаться «чёрною как уголь» [3, с. 107—108]. Под покровом ночи к ней повадился ходить старший брат. Через какое-то время юноша взял сестру силой, и, когда он поднимался из юрты, оскорблённая девица перерезала ему головки икроножных мышц на обеих ногах. Утром пришла весть о гибели брата, и несчастная обо всём догадалась.

Впав в «исступление», девушка надела украшения и лучшую парку, разорвала её до пят и вошла в общую юрту, где лежало тело (по версии Б. Редько, разорвала одежду в самой юрте). В этих действиях узнаётся другая традиция: во время траура по любимому человеку алеутки нередко обрезают волосы и, разорвав лучшие одежды, оплакивали его в полуобнажённом виде [3, с. 83]. Но вместо того, чтобы рыдать со всеми, героиня весело запела и исполнила своеобразный танец: она то приближалась к усопшему, то удалялась от него. На третий раз он ожил. Этот эпизод кажется очень странным, и каждый рассказчик трактовал его по-своему: И. Вениаминов ушёл от объяснения — вероятно, он догадывался о подтексте, но умолчал из соображений этики (см. «Aatluung»); Н.Н. Беклемишев утверждал, что *«так сильна была страсть в брате ея, что не исчезла с жизнью, а вновь оживила его самого»* [2, с. 13]; а Б. Редько связал это с магическим воздействием заклинания [12, с. 87].

Убегая от брата, девушка бросилась с обрыва в море, и он — вслед за ней. На поверхность оба вынырнули в облике бобров. Один из них пошёл на восток, а другой — на запад. И. Вениаминов подытоживает рассказ моралью, заключённой в словах убитых горем родителей: *«...для того ли мы воспитывали и возрастили вас, чтобы вы посрамили нас своим преступлением и чтобы сделались дикими зверями?»* [3, с. 297].

Данная версия выглядит грамотно структурированной легендой. Она изобилует деталями быта, имеет кульминационный момент и мораль, осуждающую инцест, который может низвергнуть людей до уровня животных. Но такая форма подачи фольклорного материала не характерна для алеутов, в ней чувствуется литературная обработка, ориентированная на европейского читателя. Возникает вопрос: что привнёс или утаил православный священник?

Частично ответ даёт записанная А.М. Ячменевым и переведённая В. Иохельсоном сказка «Aatluung» [18, р. 324—327]. Её рассказал уналашкинский алеут Тимофей Дорофеев (ок. 1865 г.р.), запись сделана в октябре 1909 г. на о. Умнак.

Сюжетная линия в целом совпадает с изложенной выше, но отличается тем, что девушка не сопротивлялась ночному гостю, а вместе с ним предавалась любовным утехам. Так продолжалось до тех пор, пока она не выяснила, что приходивший — её родной брат. Тогда после очередной бурной ночи она ударила его сзади своим (женским) ножом и выставила вон. Узнав о смерти брата, девушка помылась, передела парку, разрешила её спереди ножом и в таком виде отправилась к усопшему. Во время танца она призывала брата встать и взглянуть на «эти две» — вульву, — что не давали ему уснуть (разрезанная парка символизировала именно эту часть тела). В таком контексте рассказ превращается в шутивно-ироничную сказку о том, что страсть может воскресить и мёртвого.

История Т. Дорофеева по стилю изложения и специфическому юмору напоминает целую серию подобных насмешливо-ироничных произведений на сексуальные темы, представленную в собрании В. Иохельсона. Мотив инцеста здесь уходит на второй план, а о «происхождении» бобров не сказано ни слова.

Возникает вопрос: какой из двух вариантов считать первичным — фольклорный текст Т. Дорофеева или обработанный пересказ И. Вениаминова? Дать однозначный ответ не представляется возможным, поскольку неизвестно, какие именно изменения привнёс священник. Не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что прихожане могли намеренно исказить первоисточник в угоду уважаемому служителю церкви.

Есть ещё один нюанс. По утверждению самого И. Вениаминова, у алеутов «кровосмешение единоутробных» считалось недопустимым. Согласно поверьям, такого кровосмешника «не примет на себя море, гнушаясь его беззаконием, и непременно поглотит и выкинет на берег...» [3, 140—141]. Возникает логическая нестыковка: персонажи, заслуживающие наказания, становятся родоначальниками культового животного. Такой диссонанс прослеживается только в текстах упомянутого собирателя фольклора.

На Командорах легенда с инцестуальным мотивом просуществовала около 100 лет. Её век искусственно продлевал опубликованный источник. Не позднее 1930-х гг. [1, с. 3] он был заменён на красивую историю о двух влюблённых. Действие развивалось на о. Медном: девушка из зажиточной семьи и юноша из бедной полюбили друг друга. Когда родители запретили дочери связывать жизнь с бедняком, молодые взялись за руки и бросились с утёса в море (по другой версии, их разлучили и они бросились в море

с разных утёсов). Там влюблённые навсегда объединились в облике каланов. Сказку рассказывали Г.А. Ладыгин (1904 г.р.) и И.П. Хабаров (1911 г.р.) [ПМА. Э.И. Гребзде, 06.08.2017; В.Т. Тимошенко, 27.07.2015; Г.М. Яковлев, 05.07.2015]. Эмоционально она перекликалась с песней «*Йагнанасим асхинуг'ан*» [ПМА. В.Т. Тимошенко, 08.11.2015], которая обыгрывала тему сватовства, но иногда исполнители наделяли её особым подтекстом: девушка не любит жениха, навязанного родителями, а её избранник живёт на соседнем острове. Песню пели разлучённые влюблённые. По одной из алеутских версий, юноша поднимался на высокую Преображенскую сопку, и ветер доносил слова до сердца любимой, ожидавшей его на соседнем о. Беринга (романтическая история приписывалась чете Бадаевых: Михаилу Илларионовичу (1902—1950) и Марии Аркадьевне (1912—1983)).

Тема брака по расчёту стала актуальной с конца XIX в.: в эти годы семейные союзы редко заключались спонтанно. Предпочтительнее было многократно породниться с близким в этно-территориальном отношении родом, чтобы впоследствии совместно вести индивидуальный (семейный) пушной промысел («индивидуальным промыслом» называли добычу бобров, не оговорённую в условиях контракта 1871 г.). Для успешной охоты были нужны сети и плавсредства: с начала 1880-х гг. вместо традиционных кожаных байдарок стали использовать американские вельботы стоимостью 400—500 руб. [14, с. 9; 13, с. 230]. На фоне новых экономических реалий тема несчастной любви получила широкое распространение, а вариант И. Вениаминова стал восприниматься как архаизм.

Высокая вариативность нового прочтения обусловлена развитием сценического творчества в раннесоветский период. С этого времени самостоятельные постановки стали новой формой общения между членами островного социума. Весной 1966 г. была опубликована «Легенда о бессмертной любви» в литературной обработке Э. Зубковой [8]. Текст печатали как минимум трижды: в газетах «Алеутская звезда» (20.03.1966 и 01.05.1969, в рубрике «Из алеутского фольклора») и «Камчатская правда» (18.07.1971, с пометкой «Записала от жителей Командорских островов Э. Зубкова»). Эта версия наглядно отражала общую тенденцию создания нового романтического образа.

Ещё одна версия сюжета о превращении в бобров, значительно отличающаяся от вышеизложенных, была опубликована в 1884 г. мичманом клипера «Стрелок» Н.Н. Беклемишевым. Имени рассказчика не сохранилось, но мичман указывает, что «редакция сказки принадлежит Ахтинской части гряды» — в противовес инцестуальной версии «Уналашкинского отдела». Общее впечатление от «Лекций, читанных в морском собрании <...> Беклемишевым» склоняет к мысли, что молодой исследователь общался с алеутами лично. В июле 1881 г. он останавливался на о. Беринга, а в августе заходил на о. Медный.

История называется «Оголгузах — водяные люди». Русифицированное слово «оголгузах» созвучно с алеутским названием Макушинской бухты на о. Уналашка — *Uguidaх'* [17, р. 421, 604—605], — поэтому не исключено, что сюжет тоже пришёл с Лисьих островов. Но это может быть и некая игра слов: не зря люди «водные», как и каланы.

Братья Оголгузах не знали, что такое женщина, и «не нуждались в ней». Но каждый раз, возвращаясь с промысла, они находили свою барабору прибранной и приготовленной для сна. Чтобы узнать, кто хозяйничает в их отсутствие, они оставили сначала младшего брата, который не справился с задачей, а затем среднего. Женщина заходила в жилище, наводила порядок, готовила пищу, вила жилки для копий и пела, что приходит *«затем, что бы приготовить братьям всё нужное для еды, для пользы и ещё для чего то»*, чего не понял младший брат, но понял средний. Когда остальные братья вернулись, они не смогли поделить женщину и из-за этого все между собой передрались. Тогда старший спустился в дом и стал гонять братьев, те выскочили из бараборы и, продолжая драться, пошли *«к морю и вошли в воду и тогда обратились в бобров, а женщина в бобровую матку и поплыли братья на север, всё продолжая драку и гоняясь за маткою»* [2, с. 11–12].

Данный вариант был опубликован позже вениаминовского, но по времени возникновения мог оказаться более ранним. Во всяком случае, он в большей степени сочетается с другими произведениями алеутского фольклора и рассказывает именно о происхождении каланов и причинах их схожести с человеком. Налёт иронии присутствует и в этой истории, но он значительно слабее.

Алеуты внимательно наблюдали за окружающим миром, и увиденное находило отражение в их фольклоре. У каланов существуют обособленные группы: «холостячки» держатся отдельно от самок с детёнышами. Самцы чаще выходят на сушу, в то время как самки предпочитают держаться в воде [1, с. 74]. Появление «невесты» всегда вызывает здоровый ажиотаж, поскольку на роль «жениха» претендует сразу несколько самцов. Иногда между ними возникают небольшие драки. Возможно, в основу легенды о братьях Оголгузах легла именно эта поведенческая особенность животных. С другой стороны, именно так выглядят пионерские группировки: сначала новую местность заселяют молодые самцы, и лишь спустя несколько лет появляются первые самки. Подобную картину в 1968 г. наблюдали сотрудники рыбвода на юге о. Беринга [15]. Они зафиксировали небольшую самостоятельную колонию из восьми животных, среди которых была одна самка с детёнышем. Но если бы наблюдателям посчастливилось лицезреть брачные игры, они бы узнали в них вышеизложенный сюжет.

Цикл историй о превращении в бобров завершает современная сказка «Неразлучные Онга и Слах», автором которой является сотрудник издательства «Камчатпресс» Р.В. Рудин [11]. Составитель взял за основу две газетные публикации: «Легенду о бессмертной любви» (1971 г.) и историю «Онга» (1967 г.) — и составил собственный текст, отражающий его представления об алеутской культуре [ПМА. Р.В. Рудин, 29.08.2018]. Версия интересна тем, что сконструирована из разрозненных информационных блоков. Искусственное сочетание несочетаемого привело к смысловому диссонансу, но уловить его на сегодняшний день способны немногие.

Сюжет напоминает «Легенду о бессмертной любви», однако здесь появляется третье действующее лицо — завистник Уяк. Имя главной героини

заимствовано из другой истории. Не вдаваясь в анализ поведенческих мотиваций героев, остановимся на особенностях слияния сюжетов.

«Онга» публиковалась дважды: в газетах «Камчатский комсомолец» (05.01.1967) и «Алеутская звезда» (15.01.1967). В первом случае текст позиционировался как «алеутская легенда», во втором было указано «авторство» И. Зверева (вероятно, человека, выполнившего литературную обработку) [7]. История повествует о жестоком Уяке и его самоотверженной жене Онге. После рождения дочери Уяк, ожидавший сына, предложил избавиться от младенца. Онга осталась на небольшом заливаемом клочке суши и во время прилива вместо того, чтобы оставить дочь и махнуть рукой ожидавшему на берегу мужу, повернулась к морю и позвала Орла. Тот забрал ребёнка и унёс в безопасное место. Девочка стала родоначальницей нового племени, а Онга превратилась в кекур.

В тексте прослеживаются два традиционных мотива: о Вороне и об Орле. Если убрать не характерную для алеутов мотивацию избавляться от дочерей и упоминание о камчатских берегах, получится легенда о происхождении останца Орлов камень. Эта прибрежная скала расположена на окраине с. Никольского. Версию о связи с кекуром подтверждают имена героев: *Ун'лук'* переводится как «останец, каменный столб», а *Уџах'* — «залив, бухта» [4, с. 130, 138]. Вероятно, легенду рассказал представитель одной из алеутских семей, переселившихся на Камчатку в начале XX в.

Дуэт Онга — Уяк (кекур — бухта) в истории о происхождении останца являлся подсказкой, несущей ключевую смысловую нагрузку. Но искусственное слияние двух сюжетов и образование пары Онга — Слах, в которой *слах'* переводится как «ветер» (кекур — ветер), эту связь нарушили. Результатом стала не алеутская сказка, а её имитация.

Анализируя алеутские сюжеты о превращении в бобров, нельзя не упомянуть о бытовавшем в начале XX в. представлении о седом, почти белом бобре (мех с высоким уровнем «серебра»). Такая необычная цветовая форма официально была отмечена лишь дважды: в 1899 г. одну шкуру сдали Русскому товариществу котиковых промыслов, другого зверя видели летом 1902 г. у южной оконечности о. Медного. Алеуты почитали «седого» бобра за тойона, *«убийство которого угрожает разбродом всех остальных»* [9, с. 5], и потому не трогали. И.И. Барабаш-Никифоров, изучавший особенности биологии медновских каланов в 1930—1931 гг., предположил, что светлые, выделяющиеся на общем фоне животные были более чуткими и в случае опасности первыми подавали сигнал тревоги [1, с. 75]. Остальные ныряли, следуя их примеру.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье рассмотрено шесть фольклорных сюжетов, связанных с каланами: пять повествуют о превращении людей в бобров и один — несформировавшийся либо частично утраченный — о седом тойоне. Изучение

трансформации структурных элементов основного сюжета позволило сделать некоторые промежуточные заключения.

Утверждение Р.Г. Ляпуновой о том, что записанная «Вениаминовым и Иохельсоном» сказка с инцестуальным мотивом сохранилась на Командорах почти в неизменном виде [10, с. 30], не вполне соответствует действительности. Во-первых, варианты И. Вениаминова и В. Иохельсона при минимом внешнем сходстве отличаются смысловой нагрузкой. Во-вторых, версия И. Вениаминова сохранялась благодаря вторичным заимствованиям из опубликованного источника. Алеуты относятся к ней сдержанно-терпимо, от отрицания их удерживает уважительное отношение к самому святителю.

Представленная о. Иоанном трактовка легенды слабо сочетается с алеутской концепцией восприятия окружающего мира. Диссонанс заключается в противопоставлении мира людей миру животных. Алеуты редко расценивали превращение в животных как наказание. Перерождение не понижало социального статуса героев, а как бы переносило их в другую плоскость. Убеждения церкви, что *«таковыя превращения делались силою и по воли злых духов»* [3, с. 297—298], действия так и не возымели.

Тема инцеста, как видно из «Aatluung», — это не ведущий мотив, как в древних легендах эскимосов, а всего лишь гипербола, со временем исчезнувшая. Зато обычай лишать себя жизни тем же способом, что и любимый человек, в том числе бросаться в море с утёса [3, с. 32—33], сохранился и в фольклорной форме дошёл до наших дней.

Отличительной чертой мышления алеутов являлась их ориентированность на изучение окружающего мира, внутренние социально-бытовые проблемы отходили на второй план (такая особенность помогала адаптироваться к быстро меняющимся условиям среды). По этой причине вариант «Оголгузах — водяные люди» иллюстрирует не столько иерархию внутри семьи, сколько особенности социального поведения животных.

В XX в. произошло угасание психоэмоциональной связи «человек — калан». На Командорах «красной линией» стал рубеж 1924—1925 гг. — время введения полного запрета на промысел этих животных. Как следствие, упоминание о седом бобре сохранилось лишь в смутных отголосках.

Вымирание алеутского языка, сопутствующее угасание устного фольклорного творчества и взятый курс на развитие аттрактивных сценических образов в конечном итоге привели к возникновению псевдотрадиционных произведений, создающих лишь иллюзию аутентичности. Появление сконструированной сказки «Онга и Слах», включающей не связанные между собой структурные элементы, логично продолжило процесс, длящийся более полувека. Следует ожидать, что число подобных работ будет только расти.

Представленный анализ является первым шагом в систематическом исследовании командорской фольклористики (первые изыскания проводила Р.Г. Ляпунова). Причинно-следственная связь между фольклором и природной средой может оказаться сильнее, чем изначально ожидалось.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Барабаш-Никифоров И.И., Мараков С.В., Николаев А.М. Калан (Морская выдра). Л.: Наука, 1968. 184 с.
2. Беклемишев Н.Н. О Командорских островах и котиковом промысле: Лекции, читанные в Морском собрании и Морском музее мичманом Беклемишевым. СПб.: Типогр. Морского Министерства, 1884. 58 с.
3. Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. II. СПб.: Императорская Российская Академия, 1840. 409 с.
4. Головкин Е.В. Словарь алеутско-русский и русско-алеутский. СПб.: Просвещение, 1994. 320 с.
5. Гребницкий Н.А. Записка о Командорских островах // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Иркутск: Типогр. Н.Н. Синецкина, 1882. Т. 3. Вып. 2. С. 43—125.
6. Гребницкий Н.А. О современном положении бобрового промысла // Вестник рыбопромышленности: Орган Императорского Российского Общества Рыбоводства и Рыболовства. 1894. Т. IX. Вып. 4. С. 241—253.
7. Зверев И. Онга // Алеутская звезда. 1967. № 5. 15 января. С. 2.
8. Зубкова Э. Легенда о бессмертной любви // Алеутская звезда. 1966. № 23. 20 марта. С. 2.
9. Лех С. Некоторые наблюдения о морском бобре, водящемся у о. Медного Командорских островов // Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток: Типогр. Торгово-промышл. вестника Д.В., 1907. Т. 10. С. 1—37.
10. Ляпунова Р.Г. Ворон в фольклоре и мифологии алеутов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, 1984. С. 23—34.
11. Неразлучные Онга и Слах // Камчатские сказки. Кн. 1 / пересказал Р.В. Рудин. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2017. С. 136—141.
12. Редько Б.А. Алеуты Командорских островов // Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело, 1927. Вып. 5. С. 69—112.
13. Суворов Е.К. Командорские острова и пушной промысел на них. СПб.: Типогр. В.Ф. Киршбаума, 1912. 324 с.
14. Сулковский П.Г. Записка о промыслах на Командорских островах. Извлечена из дел Главного Управления П.Г. Сулковским // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Иркутск: Типогр. Н.Н. Синецкина, 1882. Т. 3. Вып. 2. С. 3—10.
15. Томагов Е., Пинигин В., Прянишников В. Каланы // Алеутская звезда. 1968. № 43. 29 мая. С. 2.
16. Хлебников К.Т. Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / под ред. Р.Г. Ляпуновой и С.Г. Федоровой. Л.: Наука, 1979. 280 с.
17. Bergsland K. Aleut Dictionary. Fairbanks: Alaska Native Language Center & University of Alaska Fairbanks, 1994. 755 p.
18. Jochelson W. Aleut Tales and Narratives (Unanam Ungiikangin kayux Tunusangin), collected 1909—1910 by Waldemar Jochelson / ed. by K. Bergsland, D. Moses. Fairbanks: Alaska Native Language Center & University of Alaska, 1990. 715 p.
19. ПМА (Полевые материалы автора).
20. ХКМ (Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова).

REFERENCES

1. Barabash-Nikiforov I.I., Marakov S.V., Nikolaev A.M. *Kalan (Morskaya vydra)* [Kalan (Sea Otter)]. Leningrad, Nauka Publ., 1968, 184 p. (In Russ.)
2. Beklemishev N.N. *O Komandorskih ostrovah i kotikovom promysle: Lekcii, chitannyya v Morskom sobranii i Morskom muzee michmanom Beklemishevym* [About the

- Commander Islands and Seal Industry: Lectures by Midshipman Beklemishev at the Marine Assembly and the Sea Museum]. Saint Petersburg, Tipografia Morskago Ministerstva Publ., 1884, 58 p. (In Russ.)
3. Veniaminov I. *Zapiski ob ostrovah Unalashkinskogo otdela* [The Notes about the Islands of the Unalaska Department]. Part 2. Saint Petersburg, Imperatorskaya Rossijskaya Akademiya Publ., 1840, 409 p. (In Russ.)
 4. Golovko E.V. *Slovar' aleutsko-russkij i russko-aleutskij* [Aleut-Russian & Russian-Aleut Dictionary]. Saint Petersburg, Prosveschenie Publ., 1994, 320 p. (In Russ.)
 5. Grebnickij N.A. Zapiska o Komandorskih ostrovah [The Note about the Commander Islands]. *Sbornik glavnejshih official'nyh dokumentov po upravleniyu Vostochnoyu Sibir'yu* [Collection of the Most Important Official Documents for Governing Eastern Siberia]. Irkutsk, Tipografia N.N. Sinicyna Publ., 1882, vol. 3, iss. 2, pp. 43–125. (In Russ.)
 6. Grebnickij N.A. O sovremennom polozhenii bobrovogo promysla [About the Current Situation in Sea Otter Industry]. *Vestnik rybopromyshlennosti: Organ Imperatorskago Rossijskago Obshchestva Rybovodstva i Rybolovstva* [Bulletin of Fishing Industry: the Russian Imperial Society of Fish Farming and Fishing Industry]. 1894, vol. 9, iss. 4, pp. 241–253. (In Russ.)
 7. Zverev I. Onga [Onga]. *Aleutskaya zvezda*, 1967, no. 5, January 15, p. 2. (In Russ.)
 8. Zubkova E. Legenda o bessmertnoj lyubvi [The Legend about Immortal Love]. *Aleutskaya zvezda*, 1966, no. 23, March 20, p. 2. (In Russ.)
 9. Lekh S. Nekotoryya nablyudeniya o morskom bobre, vodyaschemsya u o. Mednago Komandorskih ostrovov [Some Observations about the Sea Otter next to Medny Island on the Commander Islands]. *Zapiski Obschestva Amurskago kraya* [The Notes of the Amur Region Research Society], Vladivostok, Tipografia Torgovopromyshlennago vestnika D.V. Publ., 1907, vol. 10, pp. 1–37. (In Russ.)
 10. Lyapunova R.G. Voron v folklоре i mifologii aleutov [Raven in Folklore and Mythology of the Aleuts]. *Folklor i etnografiya: U etnograficheskikh istokov folklornyh syuzhetov i obrazov* [Folklore and Ethnography: Ethnographic Origins of Folklore Plots and Characters], Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 23–34. (In Russ.)
 11. Nerazluchnye Onga i Slah [The Inseparable Onga and Slah]. *Kamchatskie skazki* [The Fairy Tales of Kamchatka]. Book 1. Retold by R.V. Rudin. Petropavlovsk-Kamchatskij, Kamchatpress Publ., 2017, pp. 136–141. (In Russ.)
 12. Red'ko B.A. Aleuty Komandorskih ostrovov [The Aleuts of the Commander Islands]. *Proizvoditel'nye sily Dal'nego Vostoka* [Productive Forces of the Far East], Habarovsk, Vladivostok, Knizhnoe delo Publ., 1927, iss. 5, pp. 69–112. (In Russ.)
 13. Suvorov E.K. *Komandorskie ostrova i pushnoj promysel na nih* [The Commander Islands and Fur Trade]. Saint Petersburg, Tipografia V.F. Kirshbauma Publ., 1912, 324 p. (In Russ.)
 14. Sulkovskij P.G. Zapiska o promyslah na Komandorskih ostrovah. Izvlechena is del Glavnogo Upravleniya P.G. Sulkovskim [The Note about Hunting on Commander Islands]. *Sbornik glavnejshih official'nyh dokumentov po upravleniyu Vostochnoyu Sibir'yu* [Collection of the Most Important Official Documents for Governing Eastern Siberia]. Irkutsk, Tipografia N.N. Sinicyna Publ., 1882, vol. 3, iss. 2, pp. 3–10. (In Russ.)
 15. Tomatov E., Pinigin V., Pryanishnikov V. Kalany [Sea Otters]. *Aleutskaya zvezda*, 1968, no. 43, May 29, p. 2. (In Russ.)
 16. Khlebnikov K.T. *Russkaya Amerika v neopublikovannyh zapiskah K.T. Khlebnikova* [Russian America in K.T. Khlebnikov's Unpublished Notes]. Ed. by R.G. Lyapunova, S.G. Fedorova. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 280 p. (In Russ.)
 17. Bergsland K. *Aleut Dictionary*. Fairbanks, Alaska Native Language Center & University of Alaska Fairbanks Publ., 1994, 755 p. (In Eng.)
 18. Jochelson W. *Aleut Tales and Narratives (Unanam Ungiikangin kayux Tunusangin), collected 1909–1910 by Waldemar Jochelson*. Ed. by K. Bergsland, D. Moses. Fairbanks, Alaska Native Language Center & University of Alaska Publ., 1990, 715 p. (In Eng.)